

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-345-360>
EDN: IRFTJH

Научная статья / Research Article

Онтология сущностей и онтология фактов: возвращаясь к сравнению

М.А. Смирнов

Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»,
Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2
 mikhailsmirnov84@gmail.com

Аннотация. Исследование направлено на прояснение позиции раннего Л. Витгенштейна в контексте современных дискуссий между сторонниками классической онтологии, ориентированной на понятие сущности (субстанции), и ее критиками. В качестве *locus classicus* субстанциальной онтологии обычно рассматривается усилология Аристотеля. Одна из отчетливых тенденций в современной философии — стремление отказаться от понятия субстанции и от видения реальности как «совокупности вещей» (*summa rerum*). Эта тенденция проходит через XX в. (Б. Рассел и др.) и составляет заметное явление в философии XXI в. Витгенштейн, который называет мир совокупностью фактов, а не вещей, во вторичной литературе устойчиво характеризуется как представитель неклассического способа мышления, выражающегося в его онтологии фактов — радикальной альтернативе по отношению к субстанциальной онтологии. Однако как эта характеристика согласуется с активным использованием в «Логико-философском трактате» терминов классического субстанциализма, восходящих к Аристотелю? Для того чтобы ответить на этот вопрос, в качестве исходного пункта анализа целесообразно обратиться к работе Б. Вольневича, посвященной сопоставлению аристотелианской и витгенштейнианской онтологий, в которой констатируется как различие, так и параллелизм между ними. В настоящей статье показана ценность некоторых наблюдений Вольневича; в то же время продемонстрирована необходимость скорректировать и дополнить анализ проблемы с учетом нюансов как аристотелианской, так и витгенштейнианской онтологий. Предложенное прочтение позволяет понять раннюю философию Витгенштейна как высказывание о роли классических форм мышления для философа, предлагающего неклассическую картину мира, что помогает пролить свет на структуру современных онтологических дискуссий.

Ключевые слова: Аристотель, Витгенштейн, Вольневич

© Смирнов М.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

История статьи:

Статья поступила 19.01.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

Для цитирования: Смирнов М.А. Онтология сущностей и онтология фактов: возвращаясь к сравнению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 345—360. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-345-360>

Ontology of Substances and Ontology of Facts: back to Comparison

М.А. Smirnov

Interregional Non-Governmental Organization
“Russian Society for History and Philosophy of Science”,
1/36, bd. 2, Lyalin Lane, 105062, Moscow, Russian Federation
mikhailsmirnov84@gmail.com

Abstract. The purpose of this work is to characterize clearly the early Wittgenstein’s position in context of the contemporary discussions between the adherers of classical ontology, based on the notion of substance, and its detractors. The Aristotle’s ontology is usually regarded as a *locus classicus* of substantial ontology. A noticeable tendency in the contemporary philosophy is the rejective stance towards the notion of substance and towards the vision of the reality as the ‘totality of things’ (*summa rerum*). This trend goes through the 20th century (B. Russell, etc.) and is prominent in the philosophy of the 21st century. Wittgenstein, who calls the world the totality of facts, not of things, is sustainably regarded in the secondary literature as a herald of a non-classical way of thought, presented in his ontology of facts — a radical alternative to substantial ontology. However, how can this claim cohere with the active usage of the classical substantialism terms, going back to Aristotle, in the “Tractatus Logico-Philosophicus”? In order to answer this question, it’s advisably to address, as the starting point of the analysis, the work of B. Wolniewicz comparing Wittgensteinian ontology to Aristotelian ontology and pointing out not only difference, but also parallelism between them. In the present paper, it’s shown that some of Wolniewicz’s remarks are valuable, but the overall view of the problem should be corrected and supplemented taking into account nuances of both Aristotelian and Wittgensteinian ontologies. Having in mind the results of this analysis, one can read the early Wittgenstein’s philosophy as a statement about the role of the classical forms of thought for a philosopher proposing a non-classical worldview, which helps to elucidate the structure of the contemporary ontological discussions.

Keywords: Aristotle, Wittgenstein, Wolniewicz

Funding and Acknowledgement of Sources. Supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00496, “The Semantic Structure of Propositional Attitudes of Consciousness”.

Article history:

The article was submitted on 19.01.2023

The article was accepted on 27.03.2023

For citation: Smirnov MA. Ontology of Substances and Ontology of Facts: back to Comparison. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):345—360. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-345-360>

Введение

Сегодня многие философы считают, что субстанциальная онтология, нашедшая классическое выражение в философии Аристотеля, — это ограниченный способ мышления. Констатируя ее центральное место в истории западной мысли, они признают ее продуктивность лишь в сферах, близких к повседневному опыту и обыденному мировосприятию. Они убеждены в необходимости иной онтологии — более глубокой философски, более адекватной современной науке или раскрывающей альтернативные потенции в мышлении и культуре. С подобными взглядами в недавней литературе выступают Н. Решер [1], Й. Зайбт [2], П. Саймонс [3], А. В. Смирнов и В. К. Солондаев [4], В. И. Шалак [5]. В этом контексте можно упомянуть также Дж. Дюпре, хотя его характеристика онтологии Аристотеля достаточно комплиментарна [6].

Другие философы настаивают на актуальности классической субстанциальной онтологии. Дж. Леве убежден, что аристотелевская онтология — это незаменимый каркас научного мышления, на котором зиждутся понятия каузальности, естественных законов, естественной необходимости [7]. Б. Смит считает, что для современной философии характерно недопустимое обеднение концептуального аппарата по сравнению с аристотелевским, связываемое им с влиянием постфрегевской символической логики [8]. К. Остин полагает, что альтернативные онтологии обладают осмысленностью и правдоподобностью лишь в силу замаскированной эксплуатации принципов субстанциализма, на смену которому они якобы приходят [9].

Очевидно, что для укрепления позиций критического лагеря желательно указать хороший пример неклассического мышления. В качестве такового часто рассматривается ранняя философия Л. Витгенштейна. Так, в одном из наиболее влиятельных трудов по ее интерпретации — книге М. Блэка — мы читаем: «...выдающаяся инновация онтологии Витгенштейна — характеристика им вселенной („мира“) как совокупности фактов, а не вещей... Это четко отделяет его от Аристотеля, Спинозы, Декарта — на самом деле, от любого из „классических философов“, легко приходящих на ум, не исключая более раннего Рассела» [10. P. 27].

Мысль о близости философии Витгенштейна к философии Аристотеля высказывается гораздо реже, но такие примеры существуют. По всей видимости, самый известный из них — статья польского философа Б. Вольневича

«Параллелизм между аристотелианской и витгенштейнианской онтологиями», вышедшая на английском языке в 1969 г.¹ Впрочем, базовым пунктом рассуждения Вольневича также является формулировка различия, осуществляемая примерно в тех же терминах, что у Блэка. Однако акцент в его работе делается на аналогиях, которые он находит, несмотря на столь значительное расхождение. Речь идет о философии «Логико-философского трактата»; в другой работе Вольневич пишет, что Витгенштейн — крупнейший философ XX в., и таковым его делает «Трактат», а не «Философские исследования» [11. S. 7]². Статья Вольневича часто упоминается в последующей литературе, но упоминанием или краткими замечаниями дело обычно и ограничивается, например у В. А. Суровцева [14] и В. Л. Васюкова [15].

Данная выше характеристика современного положения дел в философии говорит о необходимости вернуться к этому сопоставлению. Прежде всего, вспомним тезисы Вольневича и оценим их корректность. Затем рассмотрим другие аспекты проблемы и сделаем выводы.

Словарь для онтологий

Согласно Вольневичу, базовое различие между онтологией сущностей и онтологией фактов состоит в том, каким образом в них задается понятие существования: у Аристотеля «быть = быть сущностью», у Витгенштейна «быть = быть фактом» [16. С. 326]. Различие проявляется также семантически: «аристотелевская сущность есть денотат единичного имени», а «витгенштейновский факт является денотатом истинного высказывания» [16. С. 326].

Несовпадение в таких базовых аспектах дает повод предположить и глубокие структурные отличия между онтологией сущностей и онтологией фактов. Однако, по мнению Вольневича, это предположение не оправдывается: в действительности, между двумя онтологиями имеет место параллелизм. Структурные соответствия между онтологиями он фиксирует в виде словаря:

	Аристотель	Витгенштейн
1	первые сущности (substantiae primae)	атомарные факты
2	первоматерия (materia prima)	объекты
3	форма (form)	конфигурация
4	самостоятельное существование первых сущностей (esse per se)	независимость атомарных фактов

Факты как партикулярии

По мысли Вольневича, первая пара в словаре — это базовые категории в онтологиях Аристотеля и Витгенштейна; несмотря на их разительное отличие, между ними есть целый ряд аналогий.

¹ На русском языке работа опубликована в 2013 г. в переводе В.В. Горбатова.

² Попытки провести параллели между Аристотелем и Витгенштейном предприняты также в [12] и [13], но эти работы центрированы на поздней философии Витгенштейна.

Во-первых, мир полностью состоит из них: для Аристотеля он — *сумма вещей*, для Витгенштейна — *совокупность фактов*.

Во-вторых, обе онтологии являются модальными, то есть допускают различные модусы бытия. При этом базовым категориям в них соответствует модус контингентности, противопоставляемый как необходимости, так и (нерезализованной) возможности: «Как сущности, так и факты есть нечто, что в действительности существует, но могло бы и не существовать» [16. С. 328].

В-третьих, именно их бытие считается «настоящим» и независимым (у Аристотеля одни первые сущности независимы в своем бытии от других первых сущностей, у Витгенштейна — одни атомарные факты независимы от других атомарных фактов).

В-четвертых, и те, и другие являются партикуляриями.

Последняя мысль Вольневича вызывает вопросы, ведь понятие *партикулярий* — принадлежность именно аристотелианской онтологии, и его применимость к фактам в витгенштейнианской онтологии как минимум не очевидна. Кроме того, в аристотелианской онтологии оно выступает как часть целостной категориальной системы, которую необходимо здесь хотя бы кратко вспомнить. Она образуется двумя дихотомиями — *универсалии/партикулярии* и *субстанции/акциденции*, дающими четыре сочетания:

Субстанциальные партикулярии — это *первые сущности* в терминологии аристотелевских «Категорий», то есть конкретные сущности, рассматриваемые как «существующие сами по себе» (например, *Сократ*).

Субстанциальные универсалии — это *вторые сущности* из «Категорий», то есть виды и роды первых сущностей (например: *человек, живое существо*).

Акцидентальные партикулярии — это привходящие признаки некоторой первой сущности. Например, *Сократ* обладает *мудростью Сократа*, которая конкретна и индивидуальна, не тождественна мудрости кого-либо другого.

Акцидентальные универсалии — это виды и роды акцидентальных партикулярий. Например, не только Сократ, но и некоторые другие люди обладают тем, что можно назвать мудростью, поэтому конкретная *мудрость Сократа* является отдельным представителем вида (*мудрости* вообще). При этом вид *мудрость* можно рассматривать как принадлежащий к определенному роду (скажем, роду *добродетель*).

Разграничение субстанциальных и акцидентальных признаков можно понять следующим образом. Субстанциальный признак (вторая сущность) — это такой признак, который нельзя «отнять» у первой сущности без того, чтобы она перестала существовать или мыслиться в качестве таковой. Например, Сократ не может существовать, не будучи при этом человеком. Акцидентальные признаки — это такие признаки, которые можно «отнять» у первой сущности, и она после этого продолжит существовать или мыслиться как таковая. Например, Сократ может быть или не быть мудрым. Важно, что отношение между первыми сущностями и субстанциальными признаками принципиально иное, чем между первыми сущностями и акцидентальными признаками.

В «Категориях» эти понятия представлены в грамматическом контексте. Онтологическая трактовка придается им в рамках концепции *гилеморфизма*, развиваемой Стагиритом в трактатах «О возникновении и уничтожении», «Физика», «Метафизика». Аристотелевская усиология (учение о сущности) здесь осложняется тем, что конкретные предметы (*первые сущности* в терминологии «Категорий») трактуются как *формы*, воплощенные в *материи*. Аристотель говорит о сущности и существовании в разных модусах и смыслах: «...в наибольшей мере считается сущностью первый субстрат. А как такой субстрат в одном смысле обозначается материя, в другом — форма (*morphe*) и в третьем — то, что из них состоит» [17. С. 189]. Все это охватывается у него словом *гипокейменон* (*hypokeimenon*), которое можно перевести и как *субстрат*, и как *субстанция*, и как *подлежащее*.

Может показаться неясным, почему Аристотель называет сущность субстратом. Пояснение находится у историка философии В. Маркса: Стагирит рассматривает сущность как то, к чему применяются любые другие категории (количество, качество и т. д.); в этом смысле она является их субстратом [18. Р. 23—24]. Еще один используемый Аристотелем термин, *гиле* (*hyle*), в большей мере ассоциируется именно с субстратом и на русском языке часто передается словом *материя*. Как отмечает Е.Г. Драгалина-Черная, аристотелевская дихотомия материи и формы чрезвычайно неоднозначна, и в практически необозримой вторичной литературе так и не складывается консенсуса по ее поводу [19. С. 14]. С другой стороны, экспериментальные исследования подтверждают, что категории субстрата и формы как таковые — один из основных атрибутов человеческого мышления, фиксируемый у детей раннего возраста в весьма различных культурах [20].

Возвращаясь к аналогии между партикуляриями Аристотеля и фактами Витгенштейна, следует отметить, что приведенный список параллелей выглядит интересно и убедительно. Однако отдельных сходств недостаточно для обоснования структурной эквивалентности концепций. Очевидно, стремясь продемонстрировать структурный параллелизм, Вольневич предлагает эскиз символизации, описанный ниже.

Эскиз символизации

По Вольневичу, аристотелианское понимание *первых сущностей* можно выразить с помощью формулы

$$(A) S =_{df} F(M),$$

где S — имя некоторой первой сущности; константа M обозначает ее материю; $F(\dots)$ — имяобразующий функтор, который репрезентирует ее форму.

Однако подобную формулу, с точки зрения Вольневича, можно сопоставить и витгенштейнианской онтологии, лишь придав ей иную интерпретацию: «Константа M репрезентирует теперь множество всех объектов,

вовлеченных в факт S , а предложениеобразующий функтор $F(\dots)$ — способ их конфигурации»; «символ S является имя-подобным эквивалентом высказывания, сокращенным до одного существительного» [16. С. 330]. Польский философ исходит здесь из того, что в онтологии Витгенштейна объекты и конфигурация относятся к атомарным фактам точно так же, как в онтологии Аристотеля материя и формы относятся к первым сущностям. Он пишет: «...аристотелевская первоматерия есть ВОЗМОЖНОСТЬ формы. Подобным же образом, витгенштейновские объекты суть возможность конфигурации» [16. С. 335].

Правда, по словам Вольневича, если запись оставить в точности той же, то окажется, что «слева от знака тождества стоит имя, а с правой — предложение» [там же]. Он полагает, что корректный вариант должен выглядеть следующим образом:

$$(W) S =_{df} \text{что } F(M),$$

где S есть «имя-подобный эквивалент высказывания» [16. С. 331].

Каков же тогда витгенштейнианский аналог для аристотелевского понятия *вторых сущностей* (субстанциальных универсалий)? По мысли польского философа, он является «просто пропозициональной ФУНКЦИЕЙ, образованной из некоторого элементарного высказывания s путем замены некоторого его компонента на ПЕРЕМЕННУЮ» [16. С. 332].

Вольневич приводит пример параллельного использования того и другого способа видения. Допустим, что «материя S состоит всего лишь из трех материальных точек a , b и c » [16. С. 331], а форма S — прямоугольный треугольник, вершинами которого эти точки являются. По мысли Вольневича, аристотелианскую интерпретацию этого можно записать так:

$$S =_{df} F(a, b, c),$$

где $F(a, b, c)$ читается как «этот прямоугольный треугольник», а витгенштейнианской версией является:

$$S =_{df} \text{что } F(a, b, c),$$

где «фраза „этот прямоугольный треугольник“ есть переодетое УТВЕРЖДЕНИЕ о том, что объекты a , b и c ... образуют в действительности конфигурацию прямоугольного треугольника» [16. С. 331].

Дихотомию *субстанции/акциденции* Вольневич затрагивает в другом месте статьи. Ключом к этому вопросу он называет афоризм 2.0201 «Трактата»: «Всякое высказывание о комплексах может быть разложено на высказывание об их составных частях и на предложения, описывающие эти комплексы в целом» [21. С. 40]. Вольневич поясняет проводимую здесь аналогию с помощью примера: если треугольник полностью находится выше некоторой линии, то высказывания, приписывающие для каждой из его точек нахождение выше этой линии, выражают акцидентальные признаки (если они не выполняются, треугольник может оставаться треугольником); высказывание же,

приписывающее точкам треугольную конфигурацию, выражает существенный признак (если оно не выполняется, то образуемая точками фигура не является треугольником).

На мой взгляд, подход Вольневича к символизации онтологий Аристотеля и Витгенштейна, несмотря на его формальную простоту, недостаточно прояснен именно с онтологической точки зрения.

Так, в аристотелианском варианте у него постулируется тождество референта имени S с референтом выражения $F(M)$, получаемого применением «имяобразующего функтора» $F(\dots)$ к имени M . Под референтом имени S Вольневич подразумевает некоторую первую сущность, под референтом имени M — материю этой первой сущности, а функтор $F(\dots)$ для него отсылает к форме этой первой сущности. Однако что именно понимается под «имяобразующим функтором»? Судя по форме записи, это одноместная операция. Тогда она представляет собой отображение множества «этих порций материи» во множество первых сущностей, например:

$$F(\text{материя Сократа}) = \text{Сократ}.$$

Однако это вряд ли соответствует аристотелевскому видению: ведь, как упоминалось выше, Стагирит называет *сущностями* и первую сущность, и материю, и форму (хотя и «в разных смыслах»). Если и форма, и материя — сущности, из которых образуется еще одна сущность, то для символического выражения этой мысли лучше было бы использовать двуместную операцию. Можно условно назвать ее *онтологическим умножением* и, обозначив символом *, записать:

$$*(\text{материя Сократа, форма Сократа}) = \text{Сократ}.$$

Символизация, предлагаемая Вольневичем для онтологии Витгенштейна, также вызывает вопросы. Неясно, что польский философ называет «имя-подобным эквивалентом высказывания». Оставив это за скобками, запись (W) можно принять за обычную формулу логики предикатов. Правда, вместо знака эквиваленции в ней стоит знак тождества. Что же касается правой части, то описание Вольневичем ее семантики вполне позволяет считать ее применением предиката к термам; в примере с треугольником предикат является реляционным, а референтами термов являются точки. Правда, Вольневичу стоило бы говорить применительно к последним не просто о «множестве объектов, вовлеченных в факт», а об упорядоченном множестве (кортеже). Предикат не привносит в это множество упорядоченность (конфигурацию) извне, а лишь является характеристикой, которая выполняется или не выполняется в зависимости от того, что представляет собой само это упорядоченное множество.

Объекты как *hyle*

Уже упомянутая аналогия между аристотелианской материей и витгенштейнскими объектами почерпнута Вольневичем у И. Копи, который

пишет: «Как чистые партикулярии, объекты могут формировать субстанцию мира (2.021), но не в том аристотелевском смысле, в котором у субстанций есть материальные свойства. Объекты Витгенштейна субстанциальны в более позднем смысле субстрата и больше соответствуют первой материи Аристотеля, чем его первым сущностям» [22. Р. 164].

Под *чистыми партикуляриями* [*bare particulars*] в аналитической философии подразумевается такая составляющая объекта, которая останется, если (теоретически) отделить от него все его признаки. Некоторые философы полагают, что выделение в объекте такой составляющей необходимо. Альтернативная позиция — *теория связки* (*bundle theory*)³, согласно которой объект — это некоторая совокупность признаков, и ничего более.

Если представление о чистых партикуляриях ассоциируется с понятием субстрата в онтологии сущностей, то от онтологии фактов можно по противопоставлению ожидать поддержку теории связки. Однако Витгенштейн говорит о существовании субстанции, — правда, в довольно необычном ключе: «2.024. Субстанция есть то, что существует независимо от того, что имеет место» [21. С. 42].

Вольневич видит аналогию между аристотелевской материей и витгенштейновскими объектами в том, что и у первой, и у вторых самих по себе (вне какой-либо формы/конфигурации) отсутствуют свойства. Он ссылается по этому поводу на афоризмы 2.0231 и 2.0232 «Трактата»: «2.0231. Субстанция мира *может* определять только форму, а не материальные свойства. Потому что они прежде всего изображаются предложениями — прежде всего образуются конфигурацией объектов. 2.0232. Между прочим: объекты бесцветны» [21. С. 42].

В литературе неоднократно указывалось на некорректность сопоставления Вольневичем аристотелианской материи и витгенштейнианских объектов. Так, Г. Раф отмечает, что польский философ игнорирует понятие внутренних свойств объекта, фигурирующее в «Трактате» [24. Р. 220]. Кроме того, он задает вопрос: «Если объект подобен первоматерии, то в каком смысле можно говорить о конфигурациях таких абсолютно неопределенных объектов» [24. Р. 219]. В.А. Суровцев также считает сопоставление некорректным: «...плюрализм предметов в витгенштейнианской онтологии соответствует не материи, которая едина, а плюрализму целостных вещей, состоящих, согласно Аристотелю, как из материи, так и из формы» [12].

На мой взгляд, проводимую Вольневичем аналогию следует уточнить, прояснив употребление Витгенштейном слова *объект*. Этот вопрос является одной из загадок «Трактата», и интерпретаторы далеки от консенсуса по его поводу. Принимаемая Рафом версия основана на убеждении в том, что ранняя

³ В русскоязычной литературе встречаются также варианты перевода *теория связок*, *теория пучков*. Все они восходят к переводу «Трактата о человеческой природе» Дэвида Юма — произведения, в котором, вероятно, этот подход впервые отчетливо заявляется в философии Нового времени [23. С. 298].

философия Витгенштейна — комментарий не к Аристотелю, а к Платону, и витгенштейнианские объекты подобны первоэлементам из «Теэтета». В подкрепление этого Раф ссылается на слова самого Витгенштейна в «Философских исследованиях» [24. Р. 218].

Думается, что действительный ключ находится в другом тексте Витгенштейна — его ранних дневниковых записях. В фрагменте от 6 декабря 1914 г. философ рассуждает о ньютоновской механике. Представив белую плоскость с беспорядочно разбросанными черными пятнами, он отмечает: «...какой бы образ они ни образовали, я всегда могу сколь угодно приблизить к нему наше описание, покрывая эту плоскость достаточно частой сеткой, составленной из квадратных ячеек, и говоря о каждом квадрате, белый он или черный» [25. С. 74—75]. Сеть из квадратных ячеек — это определенная форма описания мира, однако форма описания может быть и другой: например, с треугольными или шестиугольными ячейками. Таким образом, возможны различные способы описания мира, хотя они могут быть неравнозначны по некоторым свойствам: «То, что образ... может описываться сеткой данной формы, ничего не говорит об образе (ибо это имеет силу для любого такого образа). То, что характеризует образ, состоит, однако, в том, что он может быть описан посредством определенной сетки с определенной степенью точности» [25. С. 75]. По мысли Витгенштейна, механика — это форма описания мира: в ней заданы некоторое количество аксиом и способ, которым из них могут быть построены предложения, описывающие мир.

В свете этого ясно, что *объекты* «Трактата» — это элементы формы описания мира (такие как квадраты и треугольники в приведенных примерах). *Факты* же определенным образом показываются с помощью сети этих объектов (как произвольные черные пятна в примере). Тогда *внутренние* свойства объектов — те, что присущи им самим (например, быть квадратом или треугольником). *Внешние* же свойства объектов — это те признаки, которые они приобретают как проекция фактов, например — черная или белая окраска (или сами их потенции выступать некоторым образом при представлении фактов).

Между прочим, это объясняет загадочное утверждение Витгенштейна о том, что объекты бесцветны. Объектами могут выступать либо потенциальные носители цветов (например, геометрические фигуры), либо такие вещи, для которых цветовой параметр нерелевантен (к последним относятся и сами цвета). Первые бесцветны до тех пор, пока им не придан цвет; вторые бесцветны в силу названной нерелевантности (например, называть цветными сами цвета было бы категориальной ошибкой).

Все это действительно позволяет считать витгенштейновские объекты субстратом мира — с той поправкой, что этот субстрат является трансцендентальным и обладает собственными свойствами, которые не связаны напрямую с представляемыми через него фактами. Вероятно, именно в этом смысле Витгенштейн в афоризме 2.024 говорит о субстанции как о том, что существует независимо от фактов.

Существование и положение вещей

Как отмечалось выше, Вольневич полагает, что и аристотелианские *первые сущности*, и витгенштейнианские *атомарные факты* (*atomic facts* в оригинальном англоязычном тексте его статьи) — это то, что не просто возможно, а существует в действительности, хотя и не с необходимостью. При этом польский философ считает, что за витгенштейновским понятием *положение дел* (*state of affairs*) стоит «только возможность существования, не что-то необходимо „актуальное“ или „фактуальное“» [16. С. 336]. Аналогию такого разграничения Вольневич не находит в исходной версии аристотелианства, но находит в томистской версии. По его мысли, это различие *сущности* и *существования* у Фомы Аквинского:

	Фома Аквинский	Витгенштейн
1	сущее (<i>ens</i>)	факт (<i>Tatsache</i>)
2	сущность (<i>essentia</i>)	положение дел (<i>Sachverhalt</i>)
3	быть (<i>esse</i>)	быть (<i>bestehen</i>)

По словам Вольневича, в томизме субстанция рассматривается как *дважды* составная: 1) как сочетание материи и формы она является лишь возможной сущностью, способной к существованию, но необязательно существующей (*essentia*); 2) актуально существующая сущность (*ens*) имеет место в том случае, если к *essentia* присоединяется еще один фактор — «акт существования» (*esse*). Он выражает это следующей записью:

$$(T) \textit{ens} = \textit{essentia plus esse}.$$

Витгенштейнианское же соответствие он записывает следующим образом:

$$(W) \text{ факт} = \text{существование } \textit{Sachverhalt}.$$

Однако согласуются ли эти утверждения Вольневича с Витгенштейном?

В первую очередь нужно отметить, что выражения *atomic fact* и *state of affairs*, которые столь по-разному употребляет польский философ, приписывая Витгенштейну в связи с ними различные идеи, в действительности являются версиями перевода на английский язык одного и того же выражения *Sachverhalt* из немецкого текста «Трактата». Скорее всего, это не недосмотр, а сознательное решение Вольневича, которое в контексте его представлений кажется оправданным. Если *положение вещей* — любая возможная «элементарная» конфигурация объектов, а *факт* — любая актуализированная контингентная конфигурация объектов независимо от сложности, то целесообразно отличать *атомарные факты* от общих случаев и того и другого. Их спецификой по сравнению с остальными положениями вещей тогда является актуализированность, а по сравнению с остальными фактами — элементарность.

Однако подход Вольневича вряд ли согласуется с пояснением Витгенштейна, которое можно найти в одном из писем к Расселу: «*Sachverhalt* есть

то, что соответствует *Elementarsatz* [Элементарному предложению. — М.С.], если оно является истинным. *Tatsache* есть то, что соответствует логическому произведению элементарных предложений, когда это произведение истинно. Причину, по которой я ввожу *Tatsache* до введения *Sachverhalt*, было бы долго объяснять» [25. С. 210]. Судя по всему, под *Sachverhalt* он подразумевает именно актуализированную элементарную (*соответствующую истинному элементарному предложению*) конфигурацию объектов.

Расходящиеся параллели

Крайне важно сравнение эпистемологической позиции Аристотеля и Витгенштейна. Вольневич отмечает, что аристотелевский реализм обосновывается за счет понятия формы, которая может переноситься с вещей внешнего мира в мышление — меня носителя, но не сущность (ведь в определенном смысле форма и является сущностью предмета). О витгенштейнианской параллели Вольневич говорит так: «Его дубликатом аристотелианского разума является СИМВОЛИЗМ <...> Описание факта представляет собой еще один, другой, факт, — пропозициональный знак, — отражающий своей собственной структурой структуру описываемого факта» [16. С. 334]. Таким образом, речь идет о постулировании Витгенштейном «изоморфизма» языка и реальности, см. [26].

И все же, вопреки Вольневичу, позиции Аристотеля и Витгенштейна существенно отличаются. Вместо аристотелианского прямого реализма у Витгенштейна мы находим релятивизм способов описания мира. Приведенное выше рассуждение о механике хорошо это показывает. Членение мира на сущности (объекты), по Витгенштейну, является артефактом определенного способа мышления. И, хотя действительность каким-то образом проявляет себя в виде фактов при использовании разных способов описания, здесь нельзя говорить об эквивалентном отображении, как у Аристотеля.

Другой пункт расхождения — позиция философов по проблеме свободы воли. Аристотель вошел в историю философии как сторонник положительного ее решения: в «Никомаховой этике» он пишет, что человек способен к выбору, совершать или не совершать некоторый поступок [27]. У Витгенштейна же, по всей видимости, мы имеем дело с отрицательным решением: «...я не могу подчинить события мира своей воле» [25. С. 125]; «Мир не зависит от моей воли» [21. С. 210]. Позиция автора «Трактата» напоминает стоицизм, — но, по мнению С. В. Данько, она не сводится к этому [28].

Связанная тема — проблема детерминации и случайности. Здесь философы также идут разными путями, при этом Аристотель придерживается умеренных убеждений, находясь между двумя полюсами, а Витгенштейн декларирует одну из полярных точек зрения.

Стагирит признает случайности, противостоя детерминистическим философским концепциям (например, детерминистическим версиям атомизма), однако он не отказывается от представления о существенном

и закономерном; см. замечания В. Ф. Асмуса [17. С. 38]. Упомянутое выше разграничение сущностных и акцидентальных признаков у Аристотеля можно связать именно с этим.

Детерминизм представляет собой убеждение в тотальности закономерностей, обусловленных сущностью вещей. Так, согласно атомизму демокритовского толка, любое последующее состояние мира определяется формами частиц и тем, как они включены в предыдущее состояние (их расположением, направлением движения и скоростью). Правда, здесь все же предполагается случайность, но лишь одна — изначальная.

Витгенштейн же выступает с радикальным аномологизмом, отрицая естественные закономерности. Он пишет: «В основе всего мировоззрения современности лежит иллюзия, будто так называемые законы природы суть объяснения природных явлений... Так, перед „законами природы“ останавливаются как перед чем-то неприкосновенным, как древние перед Богом или Судьбой» [25. С. 124]; «„Законы“ типа закона основания и т. п. имеют дело с сетью, а не с тем, что эта сеть описывает» [25. С. 85].

Однако разбегающиеся параллели можно в некотором аспекте собрать воедино. Если считать мышление в категориях субстрата и формы ядром классического способа мысли, то оказывается, что этот способ мысли разделяют сторонники всех трех описанных чуть выше позиций. Различие состоит в том, как они работают с этими категориями.

В механико-корпускулярной картине мира категория формы является центральной (как известно, Демокрит называл атомы эйдосами). Категория субстрата же рассматривается как артефакт несовершенного мышления: если нечто кажется нам бесформенной материей, то это лишь потому, что наши чувства не столь тонки, чтобы различать составляющую ее совокупность форм.

В аристотелианской онтологии существенны обе категории.

Витгенштейн же понимает формы как элементы вариативных способов описания мира, являющиеся артефактом мышления, и в то же время представляющие собой субстрат, в котором как факты выражается нечто, находящееся по ту сторону этой структуры.

Заключение

Итак, проводимая Вольневичем аналогия между *партикуляриями* Аристотеля и *фактами* Витгенштейна, основанная на их контингентном статусе и центральном месте в картине мира, — продуктивное, но лишь частично корректное наблюдение. Схожий статус самих этих категорий сопровождается важными отличиями в их философском контексте.

Другая отмечаемая Вольневичем аналогия, между *субстратом* у Аристотеля и *объектами* у Витгенштейна, несмотря на ее критику в последующей литературе, оказывается продуктивной, но лишь с учетом дополнительных нюансов витгенштейновской философии. Принимая их во внимание,

философию Витгенштейна можно понять как высказывание о роли категорий *субстрата* и *формы* в нашем мышлении: обращение к ним кажется неизбежным даже при стремлении уйти от классического аристотелианского реализма, однако их можно использовать нетривиальным образом для демонстрации неклассических философских принципов.

Это высказывание помогает пролить свет на структуру современных философских дискуссий, с обсуждения которых начиналась настоящая статья. Аристотелианская онтология оказывается органичным (и, возможно, неизбежным) атрибутом классического способа научного мышления, с которым связаны понятия каузальности, естественных законов, естественной необходимости и возможности. Отказ от аристотелевских категорий может быть продуктивен при отказе от этих принципов. Однако и в таком случае мы вряд ли обойдемся без классических форм мышления. Возможно, нам удастся использовать их как лестницу, чтобы внести новое содержание, но не факт, что эту лестницу когда-либо удастся отбросить.

Список литературы

- [1] Rescher N. *Process Philosophy: A Survey of Basic Issues*. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2000.
- [2] Seibt J. *Beyond Endurance and Perdurant: Recurrent Dynamics // Persistence*. Frankfurt : Ontos, 2008. P. 133—164.
- [3] Simons P. *Processes and Precipitates // Everything Flows: Towards a Processual Philosophy of Biology*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. P. 49—60.
- [4] Смирнов А.В., Солондаев В.К. *Процессуальная логика*. М. : ООО «Садра», 2019.
- [5] Шалак В.И. Сравнительный логический анализ субстанциальной и процессуальной онтологий // *Логические исследования*. 2020. Т. 26. № 2. С. 58—86. <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2020-26-2-58-86>
- [6] Dupré J. *Life as Process // Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57. N 2. P. 96—113. <https://doi.org/10.5840/eps202057224>
- [7] Löwe E.J. *The Four-Category Ontology. A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006.
- [8] Smith B. *Against Fantology // Experience and Analysis*. Vienna : Öbv & Hpt, 2005. P. 153—170.
- [9] Austin C.J. *Organisms, Activity, and Being: on the Substance of Process Ontology // European Journal for Philosophy of Science*. 2020. Vol. 10. N 2. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-0278-0> (дата обращения: 06.11.2020).
- [10] Black M. *A Companion to Wittgenstein's 'Tractatus'*. Ithaca (N.Y.) : Cornell Univ. Press, 1964.
- [11] Wolniewicz B. *Ontologia sytuacji: podstawy i zastosowania*. Warszawa : PWN, 1985.
- [12] Shapiro S.J. *Aristotle, Wittgenstein and Beholding Categories*. Annandale-on-Hudson : Bard College, 2013.
- [13] James A. *Neo-Aristotelian-Wittgensteinian Ontology: The Logical Form of the Proposition, Philosophical Explanation, and Categorical Thought: dissertation*. Baltimore : Johns Hopkins Univ., 2015.
- [14] Суровцев В.А. *Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна*. Томск : Изд-во ТГУ, 2001.

- [15] Васюков В.Л. Ситуации, события, факты: формальная феноменология ситуаций. М. : Наука, 2019.
- [16] Вольневич Б. Параллелизм между витгенштейнианской и аристотелианской онтологиями // Трансцендентное в современной философии: направления и методы. СПб. : Алетейя, 2013. С. 326—339.
- [17] Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976.
- [18] Marx W. Introduction to Aristotle's Theory of Being as Being. Dordrecht : Springer, 1977.
- [19] Драгалина-Черная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб. : Алетейя, 2015.
- [20] Imai M., Gentner D. A Crosslinguistic Study of Early Word Meaning: Universal Ontology and Linguistic Influence // *Cognition*. 1997. Vol. 62. N 2. P. 169—200. [https://doi.org/10.1016/s0010-0277\(96\)00784-6](https://doi.org/10.1016/s0010-0277(96)00784-6)
- [21] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017.
- [22] Copi I.M. Objects, Properties, and Relations in the Tractatus // *Mind*. New Series. 1968. Vol. 67. N 266. P. 145—165. <https://doi.org/10.1093/mind/lxvii.266.145>
- [23] Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996.
- [24] Ruff H. Wolniewicz on Wittgenstein and Aristotle // *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. IV. Dordrecht : Reidel, 1969. P. 218—225.
- [25] Витгенштейн Л. Дневники 1914—1916. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
- [26] Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
- [27] Hardie W.F.R. Aristotle and the Freewill Problem // *Philosophy*. 1968. Vol. 43. N 165. P. 274—278. <https://doi.org/10.1017/s0031819100009244>
- [28] Данько С.В. Бессилие и могущество воли. Комментарии к афоризму Л. Витгенштейна «Мир не зависит от моей воли» // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*. 2016. Т. 24. № 38. С. 66—70.

References

- [1] Rescher N. *Process Philosophy: A Survey of Basic Issues*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press; 2000.
- [2] Seibt J. *Beyond Endurance and Perdurant: Recurrent Dynamics*. In: *Persistence*. Frankfurt: Ontos; 2008. P. 133—164.
- [3] Simons P. *Processes and Precipitates*. In: *Everything Flows: Towards a Processual Philosophy of Biology*. Oxford: Oxford Univ. Press; 2018. P. 49—60.
- [4] Smirnov AV, Solondaev VK. *Processual Logic*. Moscow; 2019. (In Russian).
- [5] Shalack VI. Comparative Logical Analysis of Substantive and Processual Ontologies. *Logical Investigations*. 2020;26(2):58—86. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2020-26-2-58-86>
- [6] Dupré J. Life as Process. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;57(2):96—113. <https://doi.org/10.5840/eps202057224>
- [7] Löwe EJ. *The Four-Category Ontology. A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Oxford: Oxford Univ. Press; 2006.
- [8] Smith B. *Against Fantology*. In: *Experience and Analysis*. Vienna: Öbv & Hpt; 2005. P. 153—170.
- [9] Austin CJ. Organisms, Activity, and Being: on the Substance of Process Ontology. *European Journal for Philosophy of Science*. 2020;10(2). Available from: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-0278-0> (accessed: 06.11.2020).

- [10] Black M. *A Companion to Wittgenstein's 'Tractatus'*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press; 1964.
- [11] Wolniewicz B. *Ontology of situations: foundations and applications*. Warszawa: PWN; 1985. (In Polish).
- [12] Shapiro SJ. *Aristotle, Wittgenstein and Beholding Categories*. Annandale-on-Hudson: Bard College; 2013.
- [13] James A. *Neo-Aristotelian-Wittgensteinian Ontology: The Logical Form of the Proposition, Philosophical Explanation, and Categorical Thought*: [dissertation]. Baltimore: Johns Hopkins Univ.; 2015.
- [14] Surovtsev VA. *Autonomy of Logic: Sources, Genesis and System of the Early Wittgenstein's Philosophy*. Tomsk: TSU Publishing House; 2001. (In Russian).
- [15] Vasyukov VL. *Situations, Events, Facts: Formal Phenomenology of Situations*. Moscow: Nauka; 2019. (In Russian).
- [16] Wolniewicz B. *A Parallelism Between Wittgensteinian and Aristotelian Ontologies*. In: *Transcendence in Contemporary Philosophy: Directions and Methods*. Saint Petersburg: Aletheia; 2013. P. 326—339. (In Russian).
- [17] Aristotle. *Collected works in 4 vol. Vol. 1*. Moscow: Mysl; 1976. (In Russian).
- [18] Marx W. *Introduction to Aristotle's Theory of Being as Being*. Dordrecht: Springer; 1977.
- [19] Dragalina-Chernaya EG. *Informal Notes on Logical Form*. Saint Petersburg: Aletheia; 2015. (In Russian).
- [20] Imai M, Gentner D. A Crosslinguistic Study of Early Word Meaning: Universal Ontology and Linguistic Influence. *Cognition*. 1997;62(2):169—200. [https://doi.org/10.1016/s0010-0277\(96\)00784-6](https://doi.org/10.1016/s0010-0277(96)00784-6)
- [21] Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”; 2017. (In German, Russian, English).
- [22] Copi IM. Objects, Properties, and Relations in the Tractatus. *Mind. New Series*. 1968;67(266):145—165. <https://doi.org/10.1093/mind/lxvii.266.145>
- [23] Hume D. *Works in 2 vol. Vol. 1*. Moscow: Mysl; 1996. (In Russian).
- [24] Ruf H. *Wolniewicz on Wittgenstein and Aristotle*. In: *Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. IV*. Dordrecht: Reidel, 1969. P. 218—225.
- [25] Wittgenstein L. *Notebooks 1914—1916*. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”; 2015. (In Russian).
- [26] Makeeva LB. *Language, Ontology and Realism*. Moscow: HSE Publishing House; 2011. (In Russian).
- [27] Hardie WFR. Aristotle and the Freewill Problem. *Philosophy*. 1968;43(165):274—278. <https://doi.org/10.1017/s0031819100009244>
- [28] Danko SV. The Disability and the Power of Will. The Comments to L. Wittgenstein's Aphorism “The world is independent of my will”. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law*. 2016;38:66—70. (In Russian).

Сведения об авторе:

Смирнов Михаил Алексеевич — исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия (e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7862-0256

About the author:

Smirnov Mikhail A. — researcher, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”, Russia (e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7862-0256